

О золотом веке Таганки

Книге Валерия Иванова-Таганского «Триумф и наваждение» гарантирован успех, ибо она обращена к столь яркому и значительному явлению в истории московского искусства, что непременно вызовет интерес читателя

«Театр драмы и комедии на Таганке» стал символом свершений мирового масштаба. В 1960-70-х годах не было театра более заметного, привлекательного, спорного. И потребность в издании, которое вносило бы просветительский, популярный, обобщающий элемент в знания публики о знаменитом московском театре велика.

Юрий Любимов стал основателем новой сценической эстетики, переплавившей элементы брехтовского и мейерхольдовского методов в особый — «любимовский». Таганка Любимова навсегда стала звеном в истории московской культуры, равно, как и знаменитое здание красного кирпича после реконструкции, режиссёром предпринятой, вошло в образы московской культурной топографии.

Театр на Таганке, его слава, популярность и даже зрительский ажиотаж вошли в представления о московской жизни как одна из самых ярких страниц. И если годы расцвета коллектива, при всех трудностях, устраиваемых советскими чиновниками при сдаче спектакля, при всех препятствиях на пути ярчайших актёров труппы, всё же достаточно освещены и историками театра, и критиками, то поздний раскол между труппой и главрежем, когда Люби-

вавшийся и возвращавшийся, искавший и находивший.

Валерий Иванов-Таганский, впрочем, как и другие знаменитости этого громкого театра, — актёр-писатель. Это даёт ему инструмент воплощения своих мемуаров, которые не составлены как последовательная цепь театрально-исторических эпизодов, извлечённых из памяти, а выстроены в неожиданной, но увлекательной форме беллетризованных мемуаров, где действует и сам автор. Хотя узнать мемуариста сможет не каждый: он выведен под именем писателя Самойлова, которому приписаны все перипетии жизни самого автора — и личные, и творческие.

В книге интересна, прежде всего, сама история театра живого, театра знаменитого, который вошёл в память о нашей культуре и которого из неё уже не высечь никакими скандалами, сслетнями, придуманными и реальными ссорами. И книга «Триумф и наваждение» займёт в ней своё место, но оно будет всё-таки не в общем ряду, а выделится из ряда прочих, потому что на другие не похожа.

Прежде всего, название. Это надо уметь так рискнуть — «Триумф и наваждение»! Заголовок — это формула всех сорока лет знаменитой Таганки. Триумф огромный,

жет сегодня и читателю книги, и исследователю документов (в книге их много), и актёрам сегодняшней Таганки.

Читатель может составить и представление о том, как зарождалась особая эстетика Таганки из слов Любимова: «Я видел спектакли Мейерхольда. Поверьте, ему подражать невозможно, он был гением. А вот продолжить его поиски — можно и нужно. Но при одном условии — свободе, когда власть не требует, чтобы театр походил только на одно лицо».

Помимо исторической перспективы, которую автор умеет обрисовать, в книге живёт фактография: реальная, театральная, историческая. Необыкновенно интересен Владимир Высоцкий, о котором, казалось бы, столько написано, что поди сумей заинтересовать зрителя, а Иванов-Таганский сумел, потому что Высоцкий подан с таким щемящим чувством сожаления, любования, и при этом — равенства.

Интересные страницы написаны о многих, но пожалуй, особо повезло Филатову. Ему посвящено немало сцен и рассуждений, и он встаёт таким светлым, таким талантливым, таким порою недооценённым человеком из театрального мира Таганки, что даже если бы он один стал героем Иванова-Таганского, книжка бы уже заслуживала звания серьёзной литературы. Автор рисует Филатова разного: актёра, режиссёра, писателя. Вначале даже Филатова, которому не доступен кинематограф, о котором он мечтает. Тонкий, откровенный, бережный анализ даёт автору очень-очень нелегко.

Филатовские страницы поражают умением анализировать человеческую личность, стремлением выделить её тонкие и сильные стороны. Чего стоят заголовки: «Филатов как зеркало товарищества», «Предбанник в Шуке», «Соперничество (Высоцкий и Филатов)», «Трое в одной карете», «Про Фёдора-стрельца», «Театр Леонида Филатова», «Телевидение как источник правды», «Его Величество Закулисье».

Когда Иванов-Таганский анализирует, как создавались роли, он умеет выявить обстоятельства социальные, политические, административные. Скажем, пишет: «Показная демократия в условиях жёсткого управления искусством была для коллектива театра привычной повседневностью. Нередко на глазах труппы проходили приёмы спектаклей подчас незабываемые по дилеттантскому оценкам и откровенному хамству чиновников от культуры». Вот так жёстко сформулировать формулу тогдашнего политического ценза и тогдашнего сита, через которое пропускали Театр на Таганке, мало кто сумел.

Замечательно говорит о себе автор. Поскольку он отвёл себе роль стороннего наблюдателя и превращается в одного из героев (Самойлова), то умеет всгать не

только над схваткой, не только над сценой, но даже над собою, над тем «Самойловым», которого пустил вперёд себя как героя и которого оценивает, расчленяет, наблюдает за собой со стороны. С одной стороны — тактично, а с другой — предельно откровенно, но не «раздеваясь», без разухабистости, удивительно умеет сохранить достойную интонацию и о себе говорит так отстранённо как о другом герое, и это — наиболее трудная задача.

Упомянув тактичность литературную, эмоциональную, театральную, приходишь к основным героям этой книги: Любимову и Высоцкому. И они иногда сталкиваются, как и в жизни это было, иногда разведены и автором, и жизнью, и главным режиссёром Любимовым на разные концы некоего спора.

Читаем пронзительные строки: «В таком состоянии Самойлов никогда Высоцкого больше не видел, но этот день запомнил на всю жизнь. Это было частью того наваждения, которое исподволь всеялось в театр. Конечно, Любимов понимал значение Высоцкого. Однако положение руководителя театра, воспитателя труппы, которую он привёл с собой, нередко заставляло поступать вопреки сердцу — жёстко, а иногда и жестоко». И далее: «Это те "дрожжи на слезах", бродящие подспудно в ожидании сатисфакции, которые в один прекрасный момент "выплакиваются" наружу и в гнев сносят и театр, и судьбы актёров».

Но и тот, и другой показаны с редким умением навести линзы нужной величины, укрупнить перед сегодняшним читателем, среди которых уже всё меньше и меньше тех, которые видели, знали, помнили работу мастеров, показать театральных героев тех дней.

Книга снабжена документальными свидетельствами: это и фотографии, и вовсе неожиданные архивные документы. Среди фото много не публиковавшихся, связанных с периодом, когда автор работал в театре.

«Всё там было по-другому, великодушно и талантливо». Это сказано про «Алмазный мой венец», после сложной коллизии с его создателем В. Катаевым, которому молодой актёр «Самойлов» указал на сомнительность его оценок, в частности есенинских стихов. Так и соединяются в ходе повествования это нежелание «кричать "ура"», принципиальность молодости и мудрость сегодняшних дней, а итог тот же: «Вечная память тем, кто превращает кровь в чернила!».

Читатель получил книгу нужную, мудрую, честную. Книгу о преданности, о жизни в «золотую пору Таганки».

Ада КОЛГАНОВА,
кандидат филологических наук,
директор Центральной библиотеки
искусств

мов вынужден был покинуть своё детище, не только не изучен, но и не понят широкой публикой. И в этом смысле усилия Иванова-Таганского чрезвычайно ценны, ибо на фоне журналистского шума, сплетен жёлтой прессы, виртуального дурновкусия соцсетей, автор предлагаемых театральных записок демонстрирует уважительный, авторитетный анализ горестного разрыва в коллективе, когда-то бывшем для него родным.

В появлении этих записок сегодня есть немалые резоны. Заинтересованный тон, углублённое исследование моральных и служебных коллизий выводят книгу в число своевременных документальных свидетельств, столь нужных сегодня при информационном голоде вокруг сюжета об этом громком и по-своему загадочном театре. Эта позиция «интересанта» весьма осложняет творческую задачу автора: как один из первых и известных актёров начального десятилетия Таганки, он многое помнит по-своему, изнутри, точно и остро. И в то же время несомненно субъективность участника событий. Тем и ценна книга: пишет человек, вместе со всеми ошибавшийся и любивший, сры-

громкий, кому-то казавшийся немотивированным, кем-то вообще бездумно принятый на веру. Это «наваждение» — пожалуй, самое сильное место в книге Иванова-Таганского, потому что наваждением он считает ту трагическую дорогу, которая формировалась из узенькой тропинки, а привела к развалу и распаду знаменитого детища Юрия Любимова. И не лишним будет подчеркнуть, как деликатен, как тактичен в этом случае автор. А коль вспомнишь, что он всё-таки участник событий, деятель сценической жизни Таганки, это ценить особенно.

Деликатность, которую проявил Иванов-Таганский трудно переоценить ещё и потому, что он не пишет от первого лица. Поступи он иначе, краски были бы более тёмными или светлыми. Да и правда была бы более болезненной. Здесь деликатность человека, который сумел всгать над схваткой, не погрузиться в террариум, да и саму труппу он видит не как театр кризиса.

Он не поместил себя в ближний круг Любимова, которого, конечно, считает Мэтром, Мастером, Кумиром. Стоя за границей этого круга, он сумел сформулировать такое объективное мнение, которое помо-